

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 7

Москва
2006

Содержание

ЭТИКА В КУЛЬТУРЕ

<i>К.А. Свасьян</i>	
Науки о духе: без науки и духа. Попытка анамнеза	3
<i>С.Н. Земляной</i>	
Трагическое видение – эссеистика – философия в духовном опыте молодого Георга Лукача	25

НОРМАТИВНАЯ ЭТИКА

<i>Р.Г. Апресян</i>	
«Мне отмщение, Аз воздам». О нормативных контекстах и ассоциациях заповеди «Не противься злему»	62
<i>Ю.Н. Давыдов</i>	
Этика убеждения и этика ответственности: Макс Вебер и Лев Толстой	83
<i>П.А. Гаджикурбанова</i>	
От Киносарга к Портику	110

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>П. Чичовачки</i>	
Призрачное здание «истинной морали» Канта	127
<i>А.Г. Мясников</i>	
Современные социально-этические трактовки кантовского запрета лжи	148

ИСТОРИЯ ЦЕННОСТЕЙ

<i>О.П. Зубец</i>	
О гордости	171

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

<i>А.В. Прокофьев</i>	
«Плюрализация успеха»: проблемы и парадоксы	196
Об авторах	215

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Прокофьев

«Плурализация успеха»: проблемы и парадоксы*

Задача данного исследования — скорее поставить некоторые проблемы, нежели чем разрешить их каким-то окончательным образом, контрастно обрисовать ряд болезненных узлов, нежели чем развязать или разрубить их. Основная его тема: индивидуальный (прежде всего, профессиональный) успех в социальном пространстве. Причем скромный довесок «в социальном пространстве» предполагает, что проблемы успеха и успешности не будут, да и не могут рассматриваться изолированно от других сюжетов социальной этики, связанных с понятиями справедливости, свободы, общественной безопасности, экономической эффективности и т.д. Именно поэтому мне кажется необходимым предварительно обозначить общую, нормативно-теоретическую рамку дальнейших рассуждений. В ней понятие успеха играет двойную роль: во-первых, достижение успеха выступает как очень важная часть индивидуальной самореализации¹, во-вторых, мотивация к достижению успеха служит одним из приоритетных средств повышения эффективности социальной системы в том, что касается технологической оснащенности, оптимизированного управления, экономического роста. Поэтому среди важнейших задач социальной инженерии, какими бы ограниченными ни были ее возможности, присутствует задача создать общественную систему, где каждому будут максимально доступны ситуации переживания успеха и где успехи индивидов и групп будут прямо способствовать общему благу. С определенной долей метафоричности ее можно обозначить как задачу по созданию «общества успешных индивидов».

* Статья написана в рамках исследования по гранту РФНФ № 06-03-59301а/ц.

Определение успеха

Но что же такое успех? Какова его предельно общая дефиниция? Можно выделить несколько аспектов этого понятия, последовательно уточняющих его содержание. Во-первых, *аспект результативности действий*. В этой необходимой, хотя и ограниченной, перспективе успех есть просто достижение поставленных целей или максимальное приближение к ним. Усилия индивида, направленные на практическую реализацию его способностей и талантов, могут приводить к последствиям, которые ретроспективно оцениваются им как личные успехи. И хотя наша деятельность разворачивается на фоне постоянно изменяющихся и неподконтрольных обстоятельств, ситуация успеха задается именно тем, что в качестве главной причины наступления благоприятных результатов рассматриваются специфические личные свойства и сознательные усилия самого человека. Неподконтрольные воле обстоятельства выступают лишь в качестве шансов — сырого и необработанного материала последующей успешности. Этим, в конечном итоге, успех отличается от удачи².

Во-вторых, *сравнительный и соревновательный аспект*. Понятие успеха в своей полноте применимо лишь к тем случаям, где личные достижения имеют место на фоне особого вида деятельности, в котором преуспевающий индивид реализует себя и делает это лучше других — всех или, по крайней мере, многих. Успех квалифицируется в категориях превосходства, но не в смысле доминирования, а в смысле превосходного исполнения каких-либо функций или задач. Своеобразной парадигмой успеха является победа в спортивном состязании, предполагающем итоговое ранжирование достижений участников.

В-третьих, *аспект символического общественного признания*. Успех — это не любое сравнительное достижение, но лишь такое достижение, которое признано определенной группой или всем обществом, исходя из каких-либо коллективно разделяемых стандартов оценки достижений. «Успех должен быть признан, должен быть выражен и воспринят в определенных... символах. Это может быть плодотворное приложение своих талантов и умений, статус в профессиональной среде, обладание какими-то вещами, принадлежность к элитной группе и т.д. Для разных людей доминирующими могут выступать то одни, то другие символы. При этом само по себе доминирование символа говорит о том, что символы могут утрачивать непосредственную связь с отображаемым явлением, приобретать самостоятельное значение — так что преуспеяние нередко скорее связывается с обладанием символами, а не с результатами напряженной деятель-

ности»³. Как бы ни обстояло дело с отрывом символического признания от результатов деятельности, оно, вне всяких сомнений, не просто фиксирует успех, но фактически конституирует его. Для переживания собственной успешности необходимо, чтобы значимые для меня другие были осведомлены: а) о результатах моей деятельности, б) об их символических отображениях и в) о прямой связи тех и других с моими усилиями и способностями.

Проект «плюрализации успеха»

Если социальная репрезентация нравственных императивов (или общественная мораль)⁴ в действительности ставит перед социальной инженерией задачу по созданию общества «успешных индивидов», то при ее решении ближайшую серьезную проблему формирует многообразие видов деятельности и, в частности, профессиональных призваний, претендующих на символическое закрепление своих «пиковых» достижений в виде славы (или известности), власти и материальных ресурсов. При этом все перечисленные символы успеха, включая славу (или известность), представляют собой количественно ограниченные блага. В рамках каждого из видов деятельности распределяется та или иная их часть, большая или меньшая по объему. Характер распределения и его восприятие зависят от типа общества и исторических обстоятельств, его сформировавших. В традиционных и иерархических обществах фиксированное распределение ресурсов между различными видами деятельности гарантировано мощнейшими институциональными и идеологическими силами, а ориентация на максимальный индивидуальный успех существенным образом уравнивается ориентацией на соответствие усредненному стандарту собственной группы. Однако в модернизированном (т.е. эгалитарном по правовому статусу граждан и высокомобильном) обществе характер символической фиксации достижений постоянно оспаривается и дискутируется.

Сравнивая себя с представителями других профессиональных групп, успешный по критериям собственного сообщества индивид неизбежно задается вопросом о характере итогового распределительного зачета. И в некоторых случаях приходит к выводу, что, хотя его призвание не менее важно для общественного целого, очевидный успех на этом поприще не сопровождается аналогичным рядом признания и теряет тем самым статус успеха. Это вполне может рассматриваться как фундаментальная несправедливость. Такого рода судь-

ективные переживания порождают значительную нестабильность в обществе и резко снижают уровень совокупной удовлетворенности жизнью его членов. Конечно, эти переживания могут быть названы коллективной завистью или ресентиментом, однако именование в данном случае не решает проблемы, поскольку и коллективная зависть вполне может оказаться «извинительной»⁵, и ресентимент может оцениваться без ницшеанского, брезгливого презрения к нему⁶.

Иного рода ресентиментные переживания возникают у аутсайдеров внутри профессионального сообщества. Успех по определению не может быть достоянием каждого, кто принадлежит к какому-то виду деятельности. Это представляет собой еще одну проблему для общества, в котором успех обладает приоритетной ценностью. Однако в этом случае заряженные ресентиментом доводы будут направлены уже не против наличного соотношения профессиональных сообществ, а против самой ориентации на успех или использования успешности в качестве способа установления наиболее значимых социальных диспозиций.

В подобной ситуации модернизированное общество нуждается в механизмах смягчения острых углов, возникающих из-за возможности и потребности сравнения всех со всеми. Они должны играть ту позитивную роль, которую ранее играла цеховая и сословная раздробленность. В качестве главного рецепта решения первой из обрисованных выше проблем многие социальные этики предлагают совокупность мер, направленных на «плюрализацию успеха». То есть они ищут работающие способы для того, чтобы сформировать и поддерживать многообразие критериев индивидуального преуспеяния. Если такие способы окажутся эффективными, то это приведет к смягчению ресентиментных переживаний, к стабилизации профессиональных сообществ и одновременно освободит общество от необходимости дополнительной дистрибутивной политики со всеми трудностями и противоречиями, которые она с собой несет.

С несравненным стилистическим блеском эту мысль провозглашает Э.Геллнер. Вот показательный фрагмент из его работы «Условия свободы»: «Некоторое удовлетворение позиционных амбиций можно обеспечить, умело манипулируя иллюзиями. Например, однажды я принимал участие в научной дискуссии и был убежден, что наголову разбил в споре моего оппонента. Для меня это было приятно, и до сих пор приятно об этом вспоминать. Как я обнаружил впоследствии, мой оппонент был столь же глубоко уверен, что это он вышел тогда из спора победителем, и это тоже доставило ему немалое удовольствие. Наверное, мы не могли быть оба правы, зато сумели

быть оба счастливы, то есть иллюзия в данном случае дала приращение суммарно человеческого счастья. Такого рода иллюзии можно до некоторой степени институционализировать: пусть теннисисты считают, что только человек, демонстрирующий высокие результаты в их игре, по-настоящему достоин восхищения, а ученые придерживаются такой же точки зрения относительно занятий своей наукой, пусть распутники рассматривают свои победы как величайшее достижение и т.д. Не надо их в этом разубеждать. Благодаря этому огромное количество людей может считать, что только они и члены их группы принадлежат к социальной элите, и их не будет задевать то обстоятельство, что по критериям других групп они стоят ниже по социальной лестнице. В определенном смысле гражданское общество, утверждая множественность не только деятельности, но и критериев совершенства, создает (и это, несомненно, одна из его привлекательных сторон) систему таких иллюзий, позволяющих людям считать, что они достигли вершины, ибо здесь есть множество независимых вершин, и каждый человек может думать, что вершина, вблизи которой он находится, является самой важной и значимой⁷.

Наброшенная Э.Геллнером картина чрезвычайно притягательна и симпатична. В таком обществе профессиональным и прочим, ориентированным на общий вид деятельности группам, действительно, нечего делить: распутник может гордиться успехами в распутстве, монах — в целомудрии, бизнесмен — доходом, ученый — открытиями. Но дело в том, что, несмотря на упоминание «институционализации» разных осей оценки, основой переживания успешности в данном случае являются: а) субъективное самовосприятие (то, что «каждый человек может думать» о своем успехе или неуспехе) и б) оценка изолированной группы вне применения общезначимых и потому «весомых» символов успеха. Действительная же успешность индивидов определяется, в конечном итоге, именно общим признанием, т.е. признанием в контексте предложенных социальным целым, стандартизированных моделей осмысления успеха. Упорствовать в субъективных иллюзиях на фоне отсутствия общезначимых символов преуспеяния психологически очень трудная задача, а для большинства людей — попросту невыполнимая.

В особенности это верно, когда речь идет об успехе профессионального типа. В отличие от хобби и развлечений, он всегда есть успех или неуспех жизни в общем зачете, жизни как целостного проекта, соотнесенного с другими подобными же проектами по предельно общим и обеспечивающим их соизмеримость параметрам. Теннисист и ученый могут быть равно успешными в свете ключевых ценностей

и актуальной оценки своих профессиональных сообществ (в первом случае имеется в виду довольно сложное сообщество спортсменов, тренеров и компетентных болельщиков). Но если ошутимое богатство теннисиста сопровождается хронической бедностью ученого, отражающейся на качестве жизни последнего, то сможет ли тот воспринимать ощущение принадлежности к социальной элите и способность игнорировать критерии других групп? Это означает, что в описании Э.Геллнера отсутствует чувствительность к парадоксальности и даже трагичности самого проекта «плюрализации успеха». Однако они очень прозрачно выражены в анализе сущности и функционирования практик, предложенном А.Макинтайром.

Парадокс «плюрализации успеха» в свете теории практики А.Макинтайра

Известное определение практики, по А.Макинтайру, гласит: «Практика... [есть] любая последовательная и сложная форма социально учрежденной кооперативной человеческой деятельности, через которую блага, внутренние по отношению к ней, реализуются в ходе попыток применения тех стандартов превосходства, которые подходят для этой формы деятельности и частично определяют ее». Сфера практик, по А.Макинтайру, очень широка: искусства, науки, игры, политика в аристотелевском смысле, создание и поддержание семьи и т.д.⁸.

Возвращаясь к понятию успеха, можно заметить, что вне отсылки к какой-либо практике оно теряет всякий смысл. Если речь идет не о простой удаче (случайной известности, фантастическом наследстве, дорогостоящей находке, неожиданном благодеянии со стороны другого человека), а именно об успехе, т.е. об эффективном применении способностей и результативном приложении усилий в деле создания и использования шансов, то оценка успешности индивида может осуществляться лишь в группе людей, разделяющих некие стандарты превосходства по отношению к общей форме деятельности. Эти люди выступают в качестве представителей компетентного сообщества и в силу этого — в качестве своеобразных арбитров. Именно многообразие таких сообществ было для Э.Геллнера основой эффективной плюрализации индивидуальных достижений.

Вместе с тем приведенная выше дефиниция практики содержит в себе важное допущение о существовании двух различных видов благ. Во-первых, имеются в виду «внешние блага»: «в случае вымышлен-

ного ребенка [обучаемого шахматам], – конфета, а в случае реальных взрослых – престиж, деньги, статус». Неотъемлемой характеристикой «внешних благ» является то, что их всегда можно обрести с помощью целого ряда альтернативных способов. «Их достижение никогда не связано только с вовлечением в некоторый конкретный вид практики». Во-вторых, речь идет о «внутренних благах практики». Они опознаются и идентифицируются как блага только через участие в ней. «Внутренние блага», по А.Макинтайру, включают в себя два основных момента: момент совершенного перформанса (например, «исполнительское превосходство художника и превосходство... [его] картин») и момент индивидуального существования, подчиненного ценностям данной практики, ее традициям, ее ритму и т.д. (например, «жизнь художника, живущего большую или меньшую часть своей жизни именно в качестве художника»)⁹.

Нельзя не заметить, что в геллнеровском описании «плюрализации успеха» отсутствует понимание двойственности и противоречивости благ, фиксирующих успешность. Э.Геллнер обсуждает проблему исключительно в контексте «внутренних благ»: благо образа жизни задает ощущение принадлежности к элите, благо совершенного перформанса – переживание индивидуального превосходства или, хотя бы, индивидуальной востребованности. Однако, как указывает А.Макинтайр, несмотря на то, что формируют практику именно «внутренние блага», ее опора на «внешние блага» также необходима. Чтобы сохраниться в социальном пространстве и воспроизводить себя в течение длительного периода времени, практики неизбежно институционализируются. А «институты... включают приобретение денег и других материальных ресурсов; они структурированы в терминах власти и статуса»¹⁰.

При этом один из основных тезисов А.Макинтайра связан с тем, что «овнешнение» несет с собой значительные опасности для процветания практик. Во-первых, вторжение «внешних благ» и распределяющих институтов разрывает непосредственную связь оценки исполнения и действительной степени его совершенства. Символический ряд признания внутри сообщества может оказаться независимым от стандартов совершенного исполнения и определяться стратегией его бюрократической верхушки. Во-вторых, «внешние блага» по своей сути подлежат механической калькуляции и столь же механическому сравнению. На фоне существования множества практик, их конкуренции, различного доступа их представителей к материальным ресурсам ориентация на «внешние блага» превращается в предпосылку самоуверенной оценки профана в духе: «если ты такой умный

(опытный или умелый), то почему такой бедный (и соответственно — безвластный и безвестный)». При всей тривиальности этого рассуждения оно служит мощнейшим средством разрушения практик. По сути, оно так размечает пространство определения успеха, что в нем остается одна единственная практика — практика зарабатывания денег и одна единственная профессия — предприниматель.

Интересно, что именно предпринимательской деятельности А.Макинтайр готов отказать в статусе практики. Конечно, именно в предпринимательской, конкурентной среде достигательная мотивация находит одно из своих кульминационных выражений, но в ней же возникают наибольшие трудности с формальной фиксацией успеха в качестве личного достижения. Здесь труднее найти комплекс «внутренних благ», неизмеримо сложнее разделить совершенный перфоманс и его символическое закрепление (или вознаграждение). Так получающий огромные гонорары артист все же может восприниматься как бездарность, если его гонорары связаны исключительно с рекламными манипуляциями аудиторией, но предприниматель, получивший максимальный доход, самым этим фактом обеспечил себе нечто, являющееся как основным критерием оценки усилий, так и главным компонентом символического отображения их успешности.

Мне представляется, что исключение А.Макинтайром предпринимательской деятельности из числа практик является преувеличением. Оно неизбежно лишь в том случае, если безоговорочно согласиться с некоторыми расхожими положениями, которые Р.Соломон назвал «мифологией бизнеса». Среди ключевых мифов — миф об исключительно корыстных мотивациях и миф об абсолютной конкурентности предпринимательской деятельности. Оба этих мифа не отражают существующих реалий. Что касается первого, то «прибыль как таковая не является самоцелью бизнеса: прибыль распределяется и инвестируется. Прибыль есть средство построения и расширения своего дела, вознаграждения администраторов, сотрудников и инвесторов». Даже там, где она выступает всего лишь как средство «держат планку», целью являются «статус и удовлетворение победой.., а не прибыль как таковая»¹¹. Что касается второго мифа, то «бизнес, прежде всего, фундаментально ко-оперативен» и разворачивается на фоне определенной «корпоративной культуры» со своими собственными стандартами оценки¹². То есть взятое вне своих маргинальных (хотя в некоторых условиях и способных отвоевывать значительное пространство) проявлений, предпринимательство может

восприниматься как своего рода практика. В ней существует ряд «внутренних благ», хотя они и не отграничены так строго от «внешних», как в некоторых иных, парадигмальных случаях.

Однако, если именно предпринимательство, со всей своей нехарактерностью в качестве практики, превращается в единственную и всеобъемлющую практику (т.е. в социальном универсуме имеются бизнесмены-ученые, бизнесмены-врачи, бизнесмены-учителя и, наконец, чистые бизнесмены), то специфические ценности определенного вида деятельности обретают сугубо вспомогательный, служебный характер. Первая и главная из наград профессиональной деятельности, по М.Уолцеру, — сама хорошо исполняемая работа с ее секретами, специальным жаргоном и постоянной коммуникацией с коллегами — превращается в последнюю, уступая свое место ресурсам, статусу и возможностям влияния на других людей¹³.

Но это значит, что сами ценности профессионализма оказываются под вопросом. Ведь если «внешние блага» считать главным показателем успеха, а сам успех — ключевой жизненной мотивацией, то переход к той форме деятельности, которая обещает на настоящий момент большие финансовые возможности и больший социальный престиж, будет всегда рационально обоснован. При исключительно (или преимущественно) подходящей шкале успеха средний и даже посредственный уровень своих профессиональных возможностей и результатов не может смущать индивида, если, конечно, сама деятельность ситуативно находится в выигрышном положении. На таком фоне неизбежна предельно развитая горизонтальная мобильность населения, или — в категориях более поэтических — его фундаментальная неукорененность.

Итак, перед нами вполне определившийся социальный парадокс — фиксация успеха возможна лишь при наличии группы, существующей вокруг практики и поддерживающей внутренние стандарты совершенства, однако сохранение практики нелегко без символического отображения успеха в виде «внешних благ», ориентация на которые, в свою очередь, способна коррумпировать практику. Как же может быть обеспечена «плюрализация успеха» в подобных условиях? Как установить такое соотношение между «внутренними» и «внешними» благами, которое позволило бы решить все три основных ее задачи: смягчить ресентиментные переживания, стабилизировать профессиональные сообщества и освободиться от необходимости дополнительного перераспределения ресурсов?

**«Плюрализация успеха», социальная справедливость
и постсовременное общество**

Последний вопрос был глубоко осознан и стал предметом специального анализа в рамках комплексной или «сферической» теории справедливости М.Уолцера (что выгодно отличает ее от приведенного выше описания «плюрализации успеха» Э.Геллнером). Напомню, что основная идея уолцеровской теории справедливости состоит в том, что «определенное социальное благо x не должно распределяться между женщинами и мужчинами, которые обладают каким-то другим благом y , просто потому, что они обладают y и без учета значения блага x »¹⁴. Другими словами, каждое социальное благо или их взаимосвязанный набор составляют особую дистрибутивную сферу, в пределах которой приемлемы строго определенные критерии. Для области здравоохранения (как части сферы безопасности и благосостояния) применим критерий распределения по потребностям, для сферы денег и товаров — критерий правомочности свободных обменов, для сферы распределения публичных должностей или академических званий — критерий честного соревнования и заслуги (или более мягко — квалификации) и т.д.¹⁵

Тем самым, несправедливость, с которой сталкиваются люди в своей жизни, расслаивается на два вида. Наряду с тривиальными нарушениями критериев справедливого распределения в рамках определенной сферы выделяется наиболее фундаментальный пласт несправедливости — интервенции одной сферы со своими критериями в область другой. Они подрывают не только плюрализм сам по себе, но и обосновывающую его существование идею общечеловеческого равенства. Ведь различные люди обладают различными способностями, которые позволяют им получить наибольшие успехи в какой-то одной из областей человеческой деятельности. Если одна из дистрибутивных сфер получит преобладание за счет повсеместного применения ее критериев, то те люди, которые занимают в ней приоритетные позиции, смогут доминировать над всеми остальными. Поэтому подлинное равенство может быть только «комплексным равенством», а подлинная справедливость — только плюрализованной или «сферической».

Борьба за справедливость, в таком случае, всегда является двусторонней борьбой: борьбой против монополизации благ определенными группами и борьбой против тотального доминирования последних на основе этой монополизации. Именно поэтому М.Уолцер в одинаковой мере возражает против рыночной «коммодификации»

всех благ и против уравнительного вторжения государства во все области общественной жизни. Если резюмировать его позицию, то можно сказать, что справедливая политика должна стремиться к изоляции дистрибутивных сфер друг от друга, должна практиковать то, что сам М.Уолцер образно называет «искусством разделения»¹⁶. Неотъемлемой частью общего замысла М.Уолцера является установление своеобразных «блокпостов» на пути внедрения рыночного этоса во все возможные виды профессиональной деятельности. Эффективное разделение сфер справедливости делает невозможным обмен благ, полученных в одной сфере, на блага, приобретаемые в другой, и «плюрализация успеха» оказывается вполне возможной без дополнительных распределительных усилий¹⁷.

Однако, как стало очевидно из анализа теории практики А.Макинтайра, связь между профессиональными достижениями и «внешними благами» возникает не просто вследствие незаконной интервенции рыночного этоса. «Внешние блага» оказывались необходимым элементом символического отображения успеха, фиксируемого по стандартам некоего профессионального сообщества. Можно ли и в этом случае организовать эффективные «блокпосты» между сферами, где распределяются деньги, должности и признание? Можно ли избежать дополнительной дистрибутивной политики для создания «общества успешных индивидов»? Думаю, что нет. Если перед обществом стоит задача обеспечить такую ситуацию, чтобы сравнение вершин успеха не вело к потере самоуважения граждан, то этого нельзя добиться без достижения сбалансированного положения профессиональных сообществ, включая их доступ к основным распределяемым ресурсам. Таким образом, «сферическая» справедливость оказывается крайне нереалистичной социальной программой, поскольку самые разные распределяемые ресурсы оказываются необходимы для того, чтобы поддерживать функционирование любой из сфер справедливости, а «плюрализация успеха» представляет собой распределительный проект, компенсирующий имущественные неравенства и вознаграждающий заслуги. Но тогда она должна быть оценена именно в этом своем качестве. С какими же возражениями сталкивается подобный проект?

Во-первых, возражение от концептуальной несовместимости успеха и заслуги. В рамках дискурса заслуги само понятие «успех» оказывается под угрозой и едва ли не обесмысливается. Обретение успеха и вознаграждение заслуги в корне различны по своей эмоциональной ауре и функционированию в общественном сознании. Одной из важнейших черт успеха является спонтанность признания. Успех —

это чистая победа в игре по правилам, а не компенсация незаслуженно обиженного. Сами формулировки «верните мне мой успех», «обеспечьте заслуженное признание» звучат несколько странно и искусственно. Даже будучи удовлетворенными, такие требования сводят на нет саму ситуацию переживания успеха. Впрочем, это может быть лишь вопросом перехода к более справедливой системе распределения, поскольку внутри устоявшихся институциональных структур эффект возмещения и компенсации исчезнет.

Во-вторых, возражение, связанное с предполагаемой нравственной ценностью рыночного распределения ресурсов. Если взаимная иерархия (или рейтинг) профессиональных призваний создается в результате их рыночной востребованности, то сложившаяся система всегда служит более или менее точным отражением той взаимной пользы, которую приносят друг другу их представители. Стремясь изменить что-либо в этом раскладе на основе представлений о заслуге, дизайнер социальных институтов создает произвольные неравенства, ущемляя тех, кто наиболее полезен обществу.

Однако существует ряд обстоятельств, заставляющих корректировать этот вывод или, хотя бы, смягчать его категоричность. Прежде всего, работа рыночных механизмов всегда вторична по отношению к некоторым исходным, «нерыночным» социальным диспозициям, т.е. она накладывается на результаты сложной и противоречивой истории конкретного общества. Современная Россия является хорошим примером подобного наложения. Доступ к ключевым ресурсам различных профессиональных сообществ (или групп)¹⁸ в ней будет еще очень долго зависеть от их стартового положения на тот момент, когда рыночные механизмы начали возрождаться. Но и там, где исходные диспропорции не выражены столь явно, реальный рынок редко отвечает образу «свободного» и «парето-оптимального»¹⁹. Когда же этот стерильный, кабинетный образ рынка выдается за самую реальность — возникает опасная идеология, которая служит блокированию любой эффективной критики социальных институтов, служит пресловутой тенденции требовать от человека «биографического решения системных социальных противоречий» (формулировка У.Бека).

В-третьих, возражение, акцентирующее негативные последствия избыточной дистрибутивной политики. Оно порождено, в первую очередь, предположением о том, что стремление создать структурные посылки «плюрализации успеха», заставляет игнорировать те этические соображения, которые связаны с экономической эффективностью социальных систем. Тем самым создается дополнитель-

ный контекст классической дилеммы «эффективность versus справедливость». Востребованность определенных видов профессиональной деятельности на рынке или же ее отсутствие представляет собой способ оптимизации использования рабочей силы в рамках экономики в целом. Работа подобного механизма не возможна без значительной мобильности населения, без измерения успеха по подоходной шкале и т.д. Не случайно некоторые критики «плюрализации успеха» и идеи «равенства статусов» замечают, что больше всех по пути реализации подобных проектов продвинулись социалистические страны Восточного блока и это произошло за счет снижения экономического роста и предельного ограничения индивидуальных свобод²⁰. Кстати, этот пример выявляет и второе опасное следствие социально-политических стратегий, направленных на обеспечение «плюрализации успеха», — угрозу тотального контроля над всеми аспектами жизни членов общества со стороны ничем не контролируемой государственной власти.

Однако и это двойное возражение не является бесспорным. Аргументация, связанная с экономической эффективностью, базируется на той предпосылке, что макроэкономический рост имеет тенденцию к бесконечному расширению, а плоды его, пусть и в неравной мере, улучшают положение всех. Но такая тенденция не представляет собой удостоверенного факта²¹. Впрочем, даже если макроэкономический рост посчитать исторической константой, он не устраняет автоматически проявлений ресентимента и сам по себе не обеспечивает глубокой удовлетворенности жизнью. Наиболее проницательные аналитические описания современного общества, отказавшегося от проектов социального переустройства, показывают, что оно далеко от идеального царства людей, материально обеспеченных и живущих полной, осмысленной жизнью. Очень убедительный социологический анализ З.Баумана показывает, что глобализированная и «дерегулированная» экономика современности порождает общественную систему, которая на своих верхних и средних этажах характеризуется крайней неуверенностью в будущем и болезненным переживанием уязвимости, а на нижних — стабильностью, обретаемой только за счет унижительной и бесперспективной бедности. Наличие двух этих полюсов, конечно, создает своего рода равновесие: пугающая стабильность бедности заставляет оставшихся в игре мириться с неопределенностью своего положения²². Однако вряд ли такое равновесие можно считать честной платой за экономическую эффективность общества. Схожим образом обстоит дело и с тоталитарной угрозой. Может статься, что в настоящий момент вовсе не она является главной опасностью в политической сфере. Ее самым очевидным обра-

зом замещает отсутствие «коллективно гарантированной безопасности», которая может быть обеспечена только за счет создания «фундамента для индивидуальной жизнедеятельности, независимого от рынка и застрахованного от рисков, которыми чреватые неизведанные пути технологических инноваций»²³.

Наконец, четвертое и, должно быть, самое весомое возражение связано с тем, что проект «плюрализации успеха» не учитывает всей серьезности изменений, происшедших в социальном и культурном мире в последние десятилетия. Может быть, трудности, с которыми сталкивается стремление сохранить макинтайровские практики в качестве сферы успешной самореализации, связаны не только со сложностью удержания тонкого и динамичного равновесия «внешних» и «внутренних» благ. Вполне возможно, что они определяются особенностями новых принципов структурирования общества и той принципиально новой оптикой восприятия собственной жизни, которую сформировала у индивидов эпоха постмодерна. Эта оптика создает неискоренимо фрагментированное видение жизненного пути, для которого сама идея профессионального призвания, а значит, и профессионального успеха, проблематизируется: «Сегодня в движение пришли не только люди, но так же и финишные линии дорожек, по которым они бегут, да и сами беговые дорожки» (вновь З.Бауман)²⁴. А.Ю.Согомонов, анализирующий в этой связи современное состояние профессионального этоса, замечает: «Следование стандарту [профессионального сообщества] уже не гарантирует профессионалу успешной карьеры и даже, скорее, наоборот. А отсюда понятно, что сам профессиональный стандарт растворяется в среде множественных образцов успешности»²⁵. Можно ли устранить эту текучую неопределенность и развернуть на ее месте множество определенных, хотя и разнонаправленных осей индивидуального преуспевания? Возможно ли вообще что-то изменить в подобных процессах, затрагивающих глубины устройства современного (или пост-современного) социума и идентичности современного (или пост-современного) человека?

Другим столь же существенным аргументом является то, что в современных условиях, как это не прискорбно, для реализации любых стратегических планов, связанных с социальной справедливостью, попросту нет эффективных инструментов (или институтов). Если в последний раз обратиться к авторитету З.Баумана, то на настоящий момент мы лишены двух ключевых компонентов подобной политики: прежде всего, «агоры», т.е. публичного пространства, «преобразующего частные проблемы в заботы общества, [а] идею общественного благосостояния в проекты и задания, затрагивающие отдельных

людей», и, наряду с этим, тех плацдармов, с которых государство могло бы «эффективно влиять на способы нашего коллективного существования... в хитросплетениях “глобального беспорядка”»²⁶.

Таков достаточно сложный проблемный контекст проекта «плюрализации успеха». Даже предварительный его анализ показывает, что как достойная реализации задача этот проект сохраняет все свои права и даже жизненно необходим современной социальной системе. Однако, во-первых, плюрализованность успеха не является наличным состоянием или уже сформировавшейся чертой гражданских обществ (вопреки мысли Э.Геллнера и отчасти Дж.Ролза). Во-вторых, ее достижение невозможно без существенного перераспределения ресурсов. И, в-третьих, перспективы ее воплощения во многом зависят от непредсказуемых тенденций общественного развития и в силу того — от некоторых слабо верифицируемых надежд.

Примечания

- ¹ Как полагают В.И.Бакштановский и Ю.В.Согомонов, «человек успеха ориентирован не просто на утилитарные цели, но на вдохновляющие цели экзистенциального свойства... Поэтому успех не может не быть самоценной мотивацией человеческой деятельности» (*Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Успех* (словарь прикладной этики) // *Этика образования*. Ведомости. Вып. 26. Тюмень, 2005. С. 248).
- ² Подробнее о различии удачи и успеха см.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Успех*. С. 253–255.
- ³ *Апресян Р.Г.* Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М., 1995. С. 225.
- ⁴ Об этом явлении подробнее: *Апресян Р.Г.* Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // *Вопр. философии*. 2006. № 5. С. 3–17; *Прокофьев А.В.* Феномен общественной морали // *Прокофьев А.В.* Справедливость и ответственность (социально-этические проблемы в философии морали). Тула, 2006. С. 10–52.
- ⁵ «Когда зависть является реакцией на потерю чувства собственного достоинства в обстоятельствах, где было бы неразумно ожидать, что человек будет чувствовать иначе, я буду говорить, что она извинительна» (*Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 463).
- ⁶ См.: *Solomon R.* One Hundred Years of *Ressentiment* // *Nietzsche, Genealogy, Morality. Essays on Nietzsche's Genealogy of Morals*. Berkeley, 1994. P. 95–126; *Solomon R.* Living with Nietzsche: What the Great “Immoralist” Has to Teach Us. N. Y., 2003. P. 89–115, а также: *Strawson P.F.* Freedom and Resentment // *Freedom and Resentment and Other Essays*. L., 1974. P. 15–16.
- ⁷ *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995. С. 206. Схожие идеи высказывались Дж.Ролзом (*Ролз Дж.* Теория справедливости. С. 465) и М.Уолцером (подробнее см. последний раздел статьи).
- ⁸ *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М.—Екатеринбург, 2000. С. 255.
- ⁹ Там же. С. 258.

- ¹⁰ *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М.—Екатеринбург, 2000. С. 264.
- ¹¹ *Solomon R.* Business and the Humanities: An Aristotelian Approach to Business Ethics // Business as a Humanity /Ed. by T.J.Donaldson, R.E.Freeman. N. Y., 1994. P. 61.
- ¹² *Ibid.* P. 62.
- ¹³ Четырехчастную классификацию «наград» профессиональной деятельности и их ранжирование см.: *Walzer M.* Spheres of Justice. P. 155–157.
- ¹⁴ *Walzer M.* Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality. N. Y., 1983. P. 20.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 84–90, 95–128, 129–147.
- ¹⁶ *Walzer M.* Liberalism and the Art of Separation // Political Theory. 1984. Vol. 12. P. 315–330.
- ¹⁷ Исследователь теории М.Уолцера Р.Беллами следующим образом резюмирует эту часть его учения: «Существуют различные статусы, принадлежащие различным видам труда. Уолцер предполагает, что мы должны каким-то образом изолировать (compartmentalise) их друг от друга. Мы должны отдавать каждому должное как мусорщику, банковскому менеджеру или ученому, ранжируя их по отношению к представителям их достойных уважения профессий, но не сравнивая их с представителями других видов деятельности» (*Bellamy R.* Justice in the Community: Walzer on Pluralism, Equality and Democracy // Social Justice: From Hume to Walzer / Ed. by D.Boucher, P.Kelly. L.—N. Y., 1998. P. 169).
- ¹⁸ Такое терминологическое разграничение в данном случае может оказаться полезным, поскольку существование полнокровных профессиональных сообществ в Советском Союзе не допускалось партийно-бюрократическим руководством. Советское общество было обществом «специалистов», а не «профессионалов» (см. подробнее: *Согомонов А.Ю.* Генеалогия Успеха и Неудач. М., 2005. С. 200–208; *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Успех. С. 262–263). Это положение не устранено и в ходе постсоветских социальных трансформаций.
- ¹⁹ Подробнее о применении принципа «оптимальности» или «эффективности» к социальным институтам и характеру распределения ресурсов см.: *Ролз Дж.* Теория справедливости. С. 71–74.
- ²⁰ *Bellamy R.* Justice in the Community: Walzer on Pluralism, Equality and Democracy. P. 169.
- ²¹ Интересно, что рассуждение Э.Геллнера о «плюрализации успеха», цитированное выше, возникает у него именно на фоне предположений о том, что экономический рост мог бы приостановиться или же перестал бы напрямую отражаться уровне благополучия людей. В крайней точке этого воображаемого, но вполне вероятного процесса, «разрушающего многовековую основу легитимности либеральных обществ», по Э.Геллнеру, размещается уже не просто общество плюрализованного успеха, но «иерархическая система, пронизанная статусными отношениями, которые пускают глубокие корни в личности человека» (*Геллнер Э.* Условия свободы. С. 207).
- ²² *Бауман З.* Индивидуализированное общество. С. 96.
- ²³ Там же. С. 70–71.
- ²⁴ Там же. С. 184.
- ²⁵ *Согомонов А.Ю.* Генеалогия Успеха и Неудач. С. 173.
- ²⁶ *Бауман З.* Индивидуализированное общество. С. 117, 252.